

УДК 94(520).032.3/.4; ББК 63.3(2)524; DOI 10.21638/11701/spbu19.2016.110

М. Радивоевич

ВСТУПЛЕНИЕ РОССИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ: ОТКЛИКИ И РЕАКЦИЯ В СЕРБИИ (ИЮЛЬ–АВГУСТ 1914 г.)*

Miscellanea / Смесъ

В течение первой половины июля 1914 г. Австро-Венгрия получила от Германии согласие на агрессивные действия против Королевства Сербии. Обе империи знали о рисках, с которыми было сопряжено нападение на Сербию, но были готовы с ними столкнуться. Сараевское покушение стало поводом для сведения счетов Австро-Венгрии с Сербией на уровне локальной войны и центральных держав с Россией и Францией¹ на уровне великой европейской войны². С другой стороны, для Российской империи отношение к «единственному настоящему союзнику на Балканах» имело политическое, стратегическое и моральное значение³. В начале 1914 г. российские официальные круги рекомендовали Сербии придерживаться курса на мир, но в то же время и обещали поддержку в случае возникновения новых осложнений⁴.

Эту ориентацию подтвердили замечания российского министра иностранных дел Сергея Сазонова дипломатическим представителям Австро-Венгрии по поводу нападок на Сербию, содержавшихся в прессе дуалистической монархии. Однако, несмотря на недвусмысленные рекомендации с Певческого моста, до сербского правительства с разных сторон доходили слухи о приготовлениях Балхаусплаца к действиям против

* Публикуемая статья является результатом исследования, выполненного в рамках проекта Министерства просвещения, науки и технологического развития Республики Сербия «Сербская нация — интеграционные и дезинтеграционные процессы» (Рад је настао као резултат истраживања на пројекту Министарства просвете, науке и технолошког развоја «Српска нација — интегративни и дезинтегративни процеси»). Ев. бр. 177014).

¹ Среди Центральных держав господствовало убеждение, что Великобритания в войну не вступит.

² Митровић А. Продор на Балкан. Србија у плановима Аустро-Угарске и Немачке 1908–1918. Београд, 2011. С. 38–76.

³ Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи 1801–1914 гг. М., 2006. С. 602–606; Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 2014. С. 236.

⁴ Поповић Н. Односи Србије и Русије у Првом светском рату. Београд, 1977. С. 31–33.

Белграда. Опасения подогревала и воинственная речь председателя венгерского правительства Иштвана Тисы в Венгерском парламенте в Будапеште, которой еще большую остроту придала пресса. Сазонову пришлось в очередной раз убеждать сербское правительство в том, что в Вене серьезно восприняли его предостережения, к которым уже перед самой передачей австро-венгерского ультиматума присоединились Франция и Великобритания, и «не смеют ничего предпринять». Сербскому руководству с самых верхов российского дипломатического ведомства давались рекомендации сохранять спокойствие и не поддаваться на провокации⁵.

Общественное мнение также следило за действиями Петербурга. В проправительственной газете «Самоуправа» («Самоуправление») 20 июля отстаивалась идея опираться на «братскую Россию» и ее союзников, причем заявлялось, что такое направление во внешней политике диктуют «самые элементарные интересы сербского народа». Газета «Политика» накануне передачи австро-венгерского ультиматума Сербии следила за публикациями венской печати о подготовке его текста. Помимо этого, в ней публиковались выдержки из иностранной периодики, где говорилось о решающей роли России в потенциальном кризисе. О визите президента Франции Раймона Пуанкаре в Санкт-Петербург писала газета «Новости». По словам автора передовицы от 22 июля 1914 г., этот визит имеет «особое значение», так как именно от этих двух держав ожидается «мощная поддержка» в «дни, столь наполненные испытаниями для нашего народа»⁶. В следующем номере газеты был помещен перевод статьи корреспондента парижской газеты «Le Matin» («Утро») в Петербурге под названием «Российская армия в случае войны». Речь в ней шла о заявлении «компетентного российского лица» в связи с численным состоянием российских и французских вооруженных сил в случае войны с Австро-Венгрией и Германией⁷.

Между тем, Австро-Венгрия искусно скрывала свои намерения. О том, до какой степени при этом доходил обман, свидетельствует заявление австро-венгерского посланника в Белграде Гизла, данное им поверенному в делах России в Сербии В. Н. Штрандману вечером накануне передачи ультиматума. Хитрый барон, «выудив» информацию, что Пашич в настоящий момент отсутствует в Белграде, сообщил российскому поверенному, что «о войне нет и речи». Он предупредил лишь о подготовке «невинной ноты», которая не будет содержать «ничего страшного» и на «которую сербское правительство даст ответ, и этим все завершится»⁸.

Сербское правительство, оповещенное со многих сторон о предстоящем шаге Австро-Венгрии, питало недоверие к северному соседу. Как вскоре выяснилось, озабоченность премьера и министра иностранных дел Николы Пашича и просьбы о российском покровительстве в споре были не беспочвенны. О том, что наибольшая помощь ожидалась именно от России, свидетельствовало и поведение замещавшего Пашича во

⁵ Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914 (далее — ДСПКС). Књ. VII. Св. 2 (1/14. мај–22. јули/4. август) / Прир. В. Дедијер, Ж. Анић. Београд, 1980. № 449, 450, 455, 457, 462, 464, 477, 484, 490; *Karađorđević, Đ.* Istina o tome životu. Beograd, 1969. С. 311; *Штрандман В. Н.* Балканске успомене. Књ. 1. Део 1–2. Београд, 2009. С. 282–290; *Поповић Н.* Односи Србије и Русије... С. 47–51.

⁶ В «Самоуправе» подчеркивалось значение этого визита и союза России и Франции, вместе с «дружественной позицией» Великобритании, для балканских государств и их развития (Самоуправа. Год. XII. Бр. 155 (11. јула 1914). С. 1).

⁷ Новости. Год. XXII. Бр. 187 (9. јула 1914). С. 1; Бр. 188 (10. јула 1914). С. 2; Политика. Бр. 3766 (9. јула 1914). С. 2; Бр. 3767 (10. јула 1914). С. 1, 2; Самоуправа. Год. XII. Бр. 151 (7. јула 1914). С. 1.

⁸ *Штрандман В. Н.* Балканске успомене. С. 291.

время его поездки в Салоники министра финансов Лазара Пачу, который после принятия ультиматума Австро-Венгрии 23 июля сразу пригласил к себе Штрандтмана. Российский поверенный стал, таким образом, по своему личному свидетельству, «первым иностранцем», ознакомленным с текстом ультиматума. Царский дипломат пообещал, что передаст просьбу защитить Сербию своему министру иностранных дел, одновременно посоветовав идти на уступки до «крайних пределов»⁹. Еще этим же вечером российского представителя в Белграде посетил престолонаследник Александр Карагеоргиевич. Согласно воспоминаниям Штрандтмана, принц желал узнать позицию царской дипломатии и посоветоваться относительно шагов, которые он лично мог бы предпринять, чтобы поспособствовать выходу из сложной ситуации. Российский поверенный дал Александру совет написать письмо российскому императору и просить его о помощи и покровительстве для Сербии. Вскоре после своего возвращения в столицу, утром следующего дня, к российскому дипломатическому представителю прибыл и Никола Пашич¹⁰.

Телеграмма Александра Карагеоргиевича императору Николаю II стала следующим шагом сербского руководства в его стремлении опереться на могущественную славянскую державу. Престолонаследник, по совету российского поверенного, писал 24 июля об унижительных требованиях, содержащихся в австро-венгерской ноте, и о невозможности принять их полностью¹¹. Он также указывал на присутствие австро-венгерских войск на сербских границах, прося о помощи. Выражая веру в то, что его «просьба будет услышана благородным славянским сердцем» Его Величества, он заклинал его «заинтересоваться судьбой Королевства Сербии»¹². Вместе с этим, сербским дипломатическим представителям за границей, важнейшие из которых находились в Риме и Лондоне, было сообщено, что ключевую роль в разрешении ситуации играет позиция России¹³.

Сразу после принятия телеграммы об ультиматуме и упомянутой просьбы Пачу Сазонов предпринял шаги для дипломатической поддержки Сербии. По его инициативе состоялось заседание российского правительства. На нем было принято решение выступить с предложением продлить сроки ответа на ультиматум Австро-Венгрии, а Сербии рекомендовалось, в случае невозможности организовать оборону, убрать войска и передать решение кризиса в руки великих держав¹⁴. Хотя последнюю рекомендацию, по просьбе Сазонова, сербский посланник в Петербурге Мирослав Спалайкович передал Пашичу¹⁵, интересно, что Штрандтман под свою личную ответственность

⁹ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 (далее — МО). Серия III. Т. IV (23 июля – 4 августа 1914 г.). М.; Л., 1934. № 10, 11; Штрандман В. Н. Балканске успомене. С. 293–294.

¹⁰ МО. Серия III. Т. IV. № 34, 35; Штрандман В. Н. Балканске успомене. С. 299–302.

¹¹ Царь на телеграмме написал «Очень скромная и уважения достойная телеграмма», прося у Сазонова совета, что ответить (Штрандман В. Н. Балканске успомене. С. 303)

¹² ДСПКС. Књ. VII. Св. 2. № 505.

¹³ ДСПКС. Књ. VII. Св. 2. № 528, 536.

¹⁴ Айранетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1. 1914 год. Начало. М., 2014. С. 36–37; Поповић Н. Односи Србије и Русије. С. 53–54.

¹⁵ Штрандман В. Н. Балканске успомене. С. 309.

этого не сделал. Он поступил так «из-за сомнений в целесообразности» такого шага при решимости Сербии обороняться¹⁶.

Таким образом, мы сталкиваемся с очень важным аспектом в российско-сербском взаимодействии во время июльского кризиса — ролью личности. После внезапной смерти 10 июля российского посланника в Сербии Николая Гартвига представителем главного союзника Сербии в Белграде стал Василий Штрандтман¹⁷. Как он сам сообщает, из-за его слабой известности в отношении к нему поначалу господствовало недоверие. Даже официальные сербские лица избегали разговаривать о важных вещах с российским поверенным. Ордонанс-офицер принца Александра, Панта Драшкич, после передачи ультиматума сообщал, что «пустота, которую своей смертью оставил Гартвиг, действовала тяжело». А во время частых телефонных разговоров со Штрандтманом он и «сам ощущал, насколько нам в тех моментах не хватало Гартвига». Один из видных представителей партии напредняков («прогрессистов») и главный редактор газеты «Правда» («Справедливость») Павле Маринкович, ожидая ответа от российского императора, заявил российскому дипломату, что «если бы был жив Гартвиг, такое непонятное промедление было бы невозможно представить». Тем самым сербский политик прямо указывал российскому дипломату на «его незначительность». Постепенно, однако, Василию Штрандтману удалось получить необходимое доверие, причем в значительной мере под влиянием престолонаследника, который знал его покойного брата по времени пребывания в Пажеском корпусе. В подтверждение этого можно сослаться на слова Пашича, произнесенные им после назначения посланником Григория Трубецкого, что он бы «был очень доволен», если бы работа Штрандтмана «как поверенного в делах продолжилась как можно дольше»¹⁸.

¹⁶ Эту телеграмму, позднее опубликованную в «Документах о внешней политике Королевства Сербии», приводит Никола Попович, но пишет, ссылаясь на одну позднейшую речь Спалайковича, что и сербский посол, вероятно, не оповестил Пашича о совете Сазонова (ДСПКС. Књ. VII. Св. 2. № 527; *Поповић Н.* Односи Србије и Русије. С. 53–55).

¹⁷ Королевское правительство выразило российскому правительству глубокое соболезнование по случаю смерти Гартвига, назвав его уход из жизни «великой потерей как для России, так и для всего Славянства». Сербский консул в Будапеште заявил редактору одной венгерской газеты, что смерть Гартвига будет «оплакивать весь сербский народ». В связи со значительной ролью, которую Гартвиг сыграл в отстаивании сербских интересов в российском министерстве иностранных дел, сербское правительство высказало намерение похоронить его в Белграде. Сазонов был этим глубоко тронут, заявив, что нет никаких препятствий для осуществления этого желания, которое поддержали дочь и вдова российского дипломата. Теплое отношение сербских официальных кругов и народа к Гартвигу, проявившееся на похоронах российского дипломата, произвели, по словам Спалайковича, глубокое впечатление в петербургских кругах и «еще больше укрепили российские симпатии к нам». Как заметил в связи с этим Спалайкович, о Гартвиге можно сказать, что «он даже и своей смертью хотел принести пользу Сербии». Сербский посланник так ценил российского дипломата, что заказал и венки для похорон. 18 июля он получил от Н. Пашича поручение передать большую благодарность за согласие России на то, чтобы Гартвиг был похоронен в Белграде, и «что чувства сербского народа встретили в России столь благоприятный отклик и оценку» (Архив Србије (АС). Министерство иностранных дел (МИД). Политичко одељење (ПО). 1914: Ролна 416. Фасцикла IV. Досије 2. Л. 214; Ролна 421. Фасцикла VII. Досије 12. Л. 627; Посланство у Петрограду (ПС). Политичко одељење (По). 1914: Фасцикла 1. Ред 23; Административно одељење (П). Ф. I. Р. 7).

¹⁸ *Драшковић П. М.* Моји мемоари. Београд, 1990. С. 81; *Штрандман В. Н.* Балканске успомене. С. 282, 307–308, 318, 325, 331. — Это было значительной переменной по отношению к более ранней позиции сербской дипломатии. Так, 18 июля Спалайкович просил, чтобы Россия как можно раньше назначила посла в Белграде, а 24 июля «доверительно попросил» Сазонова назначить послом Нико-

В Петербурге Сербию представлял Мирослав Спалайкович, хотя и искусный дипломат, но, к сожалению, лишенный чувства меры. От его донесений из Петербурга, уже после передачи ультиматума, веет преувеличенной воинственностью и убежденностью в готовности всех кругов российского общества к войне. Хотя воля к защите православного славянского государства на Балканах, действительно, существовала, все же это не было равнозначно тому, что в Петербурге «с нетерпением ожидали начала войны». В конце июля оптимизм Спалайковича зашел уже настолько далеко, что он верил в возможность свести мировой конфликт к войне между Австро-Венгрией, с одной стороны, и Сербией и Россией — с другой. Несомненно, что все это могло создать искаженное представление о позиции России у ответственных людей в сербских верхах, что заметил и Штрандтман. Он полагал, что такой настрой мог бы произвести большой ущерб в случае мирной инициативы и возможной попытки перенести решение проблемы из Петербурга «в какой-нибудь другой центр». Вероятно, донесения Спалайковича повлияли на решение, принятое Пашичем 27 июля, прекратить любые дальнейшие уступки и передать роль посредника Великобритании¹⁹.

Впрочем, едва ли что-то могло принести больший ущерб, чем воинственная позиция самой Австро-Венгрии, которая дошла до логического конца в своем желании вооруженным путем расквитаться с Сербией. Ее посол, оставшийся «недовольным» и после очень примирительного ответа сербского правительства, 25 июля покинул Белград. Сазонов сербский ответ расценил как шаг «глубокой политической мудрости» и основу для выхода из текущей ситуации. В принципе такое же направление имели и другие предпринимавшиеся тогда дипломатические шаги. Некоторые из них, такие как продление срока ответа на ультиматум, Россия сама инициировала, другие (в первую очередь, британское предложение провести мирную конференцию незаинтересованных стран) решительно поддержала. В этом же направлении был выдержан и ответ Николая II 27 июля на упомянутое письмо принца Александра, в котором император советовал Королевству Сербии поддержать его старания, направленные на то, чтобы «избежать пролития крови», но, вместе с тем, уверял принца в том, что и в случае войны «Россия не оставит Сербию»²⁰. О том, насколько для сербского народа была важна российская поддержка, свидетельствует письмо короля Черногории Николы Петровича принцу Александру от 27 июля 1914 г. Черногорский монарх высказывает в нем надежды, что «во имя Божие» и вместе с «вековой защитницей могучей Россией» «сербский народ и из этого великого навязанного ему испытания» выйдет победителем и обеспечит себе блестящее будущее. В тот же день сербский престолонаследник ответил на это письмо, что «Всемогущий Бог и помощь царственной и могучей России на стороне сербской правды»²¹.

лая Кудашева, советника российского посольства в Вене. Причинами были близость и рекомендации «друзей», характеризовавших его как «совершенно лояльного и искреннего человека, который единственный в состоянии заменить в известной степени Гартвига» (АС. МИД. ПО. 1914: Ролна 414. Фасцикла II. Досије 7. Л. 669; ДСПКС. Књ. VII. Св. 2. № 455).

¹⁹ АС. МИД. ПО. 1914: Ролна 413. Фасцикла II. Досије 5. Л. 390; ДСПКС. Књ. VII. Св. 2. № 503, 527, 556, 559, 565, 570, 578, 584, 585, 587, 598, 638, 645, 695, 740; Штрандман В. Н. Балканске успомене. С. 309, 322; *Екмечић М.* Ратни циљеви Србије. Београд, 1973. 73; *Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. С. 92.

²⁰ ДСПКС. Књ. VII. Св. 2. № 604.

²¹ ДСПКС. Књ. VII. Св. 2. № 601, 602.

Ежедневная печать в Сербии за сообщениями из Петербурга следила очень внимательно. Сербские газеты пестрели заголовками «О Сербии думают ее друзья», «Сербия не одинока», «Сербия в безопасности, Россия вместе с ней», «Русские за Сербию», «Россия поднимается». В начале кризиса в большинстве печатных органов подчеркивалось, что решение кризиса зависит от поведения России и ее союзников. Вследствие этого в прессе отслеживали заявления официальных лиц и публикации, появившиеся на эту тему в иностранной печати, особенно российской. Так, газета «Звоно» («Колокол») сообщала о предполагаемой российской ноте в адрес Вены, задачей которой было призвать Австро-Венгрию не перебарщивать в своих требованиях в отношении Сербии. Так как дуалистическая монархия не исполнила желания правительства в Петербурге, автор статьи предсказывал, что «мы находимся на пороге великих событий». 25 и 26 июля газеты «Политика» и «Новости», основываясь на настроениях российской общественности и официальных государственных сообщениях, передавали мнение, что Россия не может остаться равнодушной в австро-сербском конфликте. Газета «Стража» 26 июля извещала о «величественных манифестациях в Петербурге» и «необозримой массе народа», собравшегося перед посольством, который «восторженно приветствует Сербию». Большая часть газет 27 и 28 июля подчеркивала ключевую роль России и влияние ее позиции на поведение Франции. Так, «Правда» называла происходящее «историческим поворотом», толкуя «отклонение ультиматума» (sic) со стороны Сербии как результат российской поддержки. В «Политике» и «Самоуправе» можно было найти и извлечения из российской периодики, призванные показать решимость Петербурга защитить Сербию. В газете «Балкан» («Балканы») 28 июля была опубликована статья «Сила России», в которой дан анализ военной и экономической мощи империи. Вывод, естественно, заключался в том, что «русский колосс — это первая военная сила в мире». В этот же день газета «Стража» писала, что правительство располагает достоверной информацией об «исключительно благоприятном расположении народа» в России по отношению к Сербии²².

Большие надежды, возлагавшиеся в Сербии на «православную империю», были весьма заметны. Как сообщал Драшкич, «все зависело от России, и все взгляды были устремлены туда»²³. Министр народного просвещения Любомир Йованович даже укорял Штрандмана за его пессимизм в отношении степени подготовленности России к войне²⁴. Истощенный Пашич был порой почти незаметен в массе депеш, поступавших в кризисные дни от сербских представителей за рубежом. Но узнав, что Россия проводит мобилизацию и, наряду с этим, осуществляет ранее согласованную поставку оружия Сербии, он в радужных тонах передал сербским посланникам в Париже и Лондоне, что Россия «держится отлично», и что дух народа особенно укрепился, когда люди услышали, что Россия их не оставит²⁵.

²² Балкан. Год. III. Бр. 188 (11. јула 1914). С. 2; Бр. 191 (14. јула 1914). С. 1; Звоно. Год. V. Бр. 96 (12. јула 1914). С. 1; Новости. Год. XXII. Бр. 189 (11. јула 1914). С. 2; Бр. 190 (12. јула 1914). С. 3; Ванредно издање. Бр. 193 (13. јула 1914). С. 1; Политика. Бр. 3768 (11. јула 1914). С. 2, 3; Бр. 3769 (12. јула 1914). С. 3; Бр. 3770 (13. јула 1914). С. 1; Бр. 3771 (14. јула 1914). С. 2; Самоуправа. Год. XII. Бр. 158 (15. јула 1914). С. 2; Стража. Год. IV. Бр. 191 (13. јула 1914). С. 3; Бр. 193 (15. јула). С. 1; Правда. Год. XI. Бр. 189 (12. јула 1914). С. 2, 3; Бр. 191 (14. јула 1914). С. 2.

²³ Драшкич П. М. Моји мемоари. С. 81.

²⁴ Штрандман В. Балканске успомене. С. 307–308.

²⁵ ДСПКС. Књ. VII. Св. 2. № 586, 588.

В письме начальнику штаба Верховного командования воеводе Радомиру Путнику 31 июля председатель правительства сообщил, что развитие событий в австро-венгерско-сербском конфликте будет зависеть от действий России²⁶. Штрандтман вспоминает об очень эмоциональном приеме упомянутой выше телеграммы императора, после чтения которой сербский премьер перекрестился, произнес «Господи, великий милостивый русский царь», подошел к нему, обнял и расцеловал со слезами на глазах²⁷. И министр народного хозяйства Велизар Янкович отметил, что Пашич был заметно взволнован после ознакомления с содержанием письма²⁸. По воспоминаниям Штрандтмана, после объявления войны и заявления российского императора о «братских узах» и праведной борьбе двух славянских государств, всеобщим среди сербов было «желание показать себя достойными великодушия России»²⁹.

В Манифесте принца Александра сербскому народу 29 июля упоминались усилия «братской нам России», направленные на мирное решение конфликта. На следующий день, на заседании Народной скупщины, во время тронной речи, при каждом упоминании царя или России раздавались громогласные и восторженные крики «Да здравствует». В своей речи молодой королевич выражал особое удовольствие тем, что «Россия и ее благородный правитель царь Николай, с большой заинтересованностью и удивительно теплой симпатией» к Сербии следит за ее столкновением с Австро-Венгрией. Обращаясь к посланникам, он подчеркивал, что русский царь в «своем благородном рдении за будущее Сербии», дал уверения, «что он в любом случае позаботится о судьбе Сербии». В военной столице Сербии Нише представитель России заметил, как все были предупредительны по отношению к нему. Каждый, будь то официальное лицо, солдат, крестьянин или торговец, при встрече старался «продемонстрировать всю свою благодарность русскому царю и России». Конак, в котором было размещено российское посольство, стал одним из центров общественной жизни и источником информации в городе на Нишаве, причем не только для высоких гостей, но и для всего населения³⁰. В подвергнутом бомбардировкам Белграде, где в это время шли постоянные бои, распространялись слухи о вступлении России в войну и скором приходе ее армии на помощь³¹.

В официальных дипломатических сообщениях представители Королевства Сербии выражали России благодарность за помощь. Особенно важными были просьбы одобрить займ и о помощи с оружием, на которые император отреагировал надписью на телеграмме «надо помочь», вследствие чего Пашич передал Спалайковичу, чтобы он «выразил благодарность»³². На оборотной стороне телеграммы об объявлении Германией войны России глава сербского правительства начертал слова «пусть она будет счастливой для славянства»³³. Эмоциональными были письма принца Александра Николаю II. Так, 30 июля, в ответ на упомянутую телеграмму, где император

²⁶ Станковић Ђ. Србија 1914–1918. Ратни циљеви. Нови Сад; Београд, 2014. С. 83.

²⁷ Штрандман В. Н. Балканске успомене. С. 328.

²⁸ АС. Varia–1104.

²⁹ Штрандман В. Н. Балканске успомене. С. 370.

³⁰ МО. Серия III. Т. IV. № 320; Штрандман В. Н. Балканске успомене. С. 329–330, 343; Голгота и васкре Србије 1914–1915 / Прир. С. Ђурић, В. Стевановић. Београд, 1986. С. 20–22; Никола Пашић у Народној скупштини. Књига 4 / Прир. Ђ. Станковић. Београд, 1998. С. 25–27.

³¹ Живановић Ж. Србија у ратовима. Сећања. Београд, 1958. С. 124, 126–127.

³² ДСПКС. Књ. VII. Св. 2. № 712; Штрандман В. Н. Балканске успомене. С. 333.

³³ АС. ПО. 1914: Ролна 414. Фасцикла II. Досије 7. Л. 580 об.

подчеркивал, что Россия не оставит Сербию, королевич благодарил царя «от всего сердца», отмечая, что «сердечная поддержка» Его Величества «наполняет нашу душу надеждой, что будущее Сербии в надежных руках». Продолжая, он добавил и то, что «эти мучительные мгновения только укрепят глубокую преданность» Сербии «святой православной России» и чувства глубокой благодарности, которые будут «благочестиво сохранены в душе каждого серба»³⁴. После объявления Германией войны России принц Александр поспешил выразить от своего имени и от имени сербского народа глубокую благодарность за «высокое покровительство» со стороны царя и за жертву, приносимую русским народом за свой братский народ, подчеркнув и то, что это никогда не будет забыто. Телеграмму он завершил словами о том, что героическая сербская армия восклицает: «Да здравствует Его Величество Император Всероссийский! Да здравствует Россия!»³⁵ В это же время Пашич передал Сазонову, что «Сербия решила жить или умереть с Россией и за Россию, которая не должна терять надежды на Бога и Его милость»³⁶.

3 августа председатель сербского правительства дал инструкцию, чтобы телеграмма Спалайковича о хорошем приеме в России прокламации принца Александра и всех действий Сербии, вместе с информацией о манифестациях перед сербским посольством в Петербурге, была опубликована в «Самоуправе»³⁷. 4 августа престолонаследник в своем обращении к армии извещал, что в качестве своих военных союзников она будет иметь «наших мощных и сильных братьев русских, чей благородный царь Николай II при первом известии об австрийском нападении на Сербию решительно и мужественно со всею вооруженной Россией встал на защиту сербства и славянства». И лишь потом отметил и то, что вместе с русскими встали «плечом к плечу их храбрые союзники» французы³⁸.

В общественном мнении ощущалось преобладание оптимистических настроений. Впереди всех шла «Стража», которая еще до вступления России в войну создавала соответствующую атмосферу, сообщая о якобы воинственных заявлениях царя. Наряду с информацией о манифестациях в поддержку Сербии в Петербурге, эта газета 31 июля сообщила, что Николай II, узнав об объявлении Австро-Венгрии войны Сербии, воскликнул: «Достаточно мы терпели семь лет». Это заявление, по словам газеты, оказало «необычайное впечатление» и «с молниеносной скоростью» разнеслось по российской столице, что само по себе вызывало воодушевление и уверенность в том, что «победа славянства определена». Эта же газета передала 3 августа слова председателя Думы Михаила Родзянко о неизбежности войны: «кость брошена». Сообщения из России, публиковавшиеся в те дни в газетах «Политика» и «Пьемонт», были очень похожи друг на друга. Обе газеты сообщали 4 августа о состоявшемся в императорском дворце молебне за победу русского, французского и сербского оружия и о мнении царского правительства о том, что отдельные пункты австро-венгерской ноты были неосуществимы с самого начала. Подчеркивалось и то, что министр иностранных дел

³⁴ ДСПКС. Кнь. VII. Св. 2. VII-2. № 698.

³⁵ ДСПКС. Кнь. VII. Св. 2. VII-2. № 752.

³⁶ ДСПКС. Кнь. VII. Св. 2. VII-2. № 755.

³⁷ ДСПКС. Кнь. VII. Св. 2. VII-2. № 765.

³⁸ Голгота и васкрс Србије. С. 23–25.

Сазонов был доволен действиями Сербии и давал гарантии того, что Сербия из войны «выйдет без ущерба»³⁹.

Вступление России в войну на стороне Сербии разогнало сомнения и наиболее скептически настроенных сербских политиков вроде бывшего премьера и обреновичевца Владана Джорджевича. В Константинополе, где он оказался по игре случая, он вначале не верил в помощь царской дипломатии. Однако после объявления Германией войны, он присутствовал на молебне в русской церкви о победе в войне и здравии царя, а также был в гостях у российского посла Михаила Гирса⁴⁰.

В один из тяжелейших моментов сербской истории были заметны большие ожидания от России не только со стороны официальных сербских кругов, но и со стороны всей сербской общественности. В Сербии очень подробно рассматривался и анализировался каждый шаг великой славянской державы, причем, как сообщает Штрэндтман, существовала и «мистическая вера» в могущество России⁴¹. Такое отношение сербов к России не должно удивлять, особенно если принять во внимание то обстоятельство, что небольшое Королевство Сербия столкнулось с угрозой со стороны гораздо более мощного врага и самим этим фактом ее существование было поставлено под сомнение. Не следует забывать и о традиционном в сербском народе чувстве приверженности России, и о покровительстве, оказывавшемся великой православной державой своим балканским единоверцам в течение всего XIX столетия. Исполнение «долга в отношении славянских братьев» и принятие под защиту Королевства Сербия, вопреки опасности того, что вследствие этого разразится гораздо более широкий конфликт, вызвали воодушевление в сербском народе и сообщили ему в самом начале войны мощный моральный импульс. Защищая своего «маленького союзника» от уничтожения, Россия заодно защищала и свои собственные интересы и авторитет великой державы. Сербии она дала возможность отстоять в Великой войне свое существование, а позже и реализовать свои военные цели. То, что по иронии судьбы Российская империя сама при этом пропала в вихре войны и революции, вызывает к ее действиям еще большее уважение.

Перевод с сербского языка Д. Е. Алимова

Данные о статье

Автор: Радивоевич, Мирослав — магистр истории, аспирант, Белградский университет, Белгород, Сербия, mirgad88@gmail.com

Заголовок: Вступление России в Первую мировую войну: отклики и реакция в Сербии (июль–август 1914 г.)

Резюме: Целью работы является освещение сербских реакций и откликов на поддержку, оказанную Сербии со стороны России во время июльского кризиса 1914 г. и после объявления Австро-Венгрией войны Сербии. Работа базируется на архивных данных, опубликованных документах, современной публицистике, а также дневниках и мемуарах современников. В обзор включены позиции

³⁹ Пижмонт. Год. IV. Ванредно издање (22. јула 1914). С. 1; Политика. Бр. 3774 (22. јула 1914). С. 2; Стража, Год. IV. Бр. 195 (17. јула 1914). С. 1; Бр. 196 (18. јула 1914). С. 1; Ванредно издање 2 (21. јула 1914). С. 1.

⁴⁰ Рајић С. Владан Ђорђевић. Биографија поузданог обреновићевца. Београд, 2007. С. 304.

⁴¹ Штрэндман В. Н. Балканске успомене. С. 370.

дипломатических, политических и военных кругов Сербии, также рассматриваются общественное мнение и мнения выдающихся личностей того времени. Получив 23 июля австро-венгерский ультиматум, министр финансов Лазар Пачу впервые связался с поверенным России в делах Сербии В. Штрандтманом. Российский поверенный был, таким образом, по его собственным словам, первым иностранцем, узнавшим содержание ультиматума. Дипломата вскоре посетили престолонаследник Александр Карагеоргиевич и глава сербского правительства Никола Пашич, обратившись к нему за советом. Телеграмма Александра Карагеоргиевича царю Николаю II, посланная 24 июля, стала следующим шагом в опоре сербских чиновников на мощное славянское государство. В то же время, сербские дипломатические представительства за рубежом (среди которых наиболее важными являлись представительства в Риме и Лондоне) сообщили из Белграда, что ключевую роль в данной ситуации играет позиция России. Затем российское правительство посоветовало Сербии в случае невозможности обороняться вывести войска и предоставить разрешение спора великим державам. Россия предлагала и поддерживала мирные инициативы. В своем ответе на письмо принца Александра, посланном 27 июля, Николай II посоветовал Сербии поддержать его усилия, направленные на то, чтобы «избежать кровопролития», но также заверил принца, что «Россия не оставит Сербию» и в случае войны. Большие надежды, возлагавшиеся Сербией на «православную империю», были довольно заметны. Штрандтман вспоминал весьма эмоциональный прием телеграммы императора. В официальных дипломатических сообщениях представители Королевства Сербии выражали благодарность России за помощь. Каждый шаг «славянской империи» тщательно рассматривался и анализировался, причем существовала «мистическая уверенность» в ее силах. Сербское общество очень внимательно следило за сообщениями из Санкт-Петербурга. Среди заголовков в сербских газетах были «Друзья заботятся о Сербии», «Сербия не одинока», «Сербия в безопасности, Россия поддерживает ее», «Русские за сербов», «Россия поднимается» и т. д. Защищая своего «маленького союзника» от разорения, Россия одновременно защищала свои собственные интересы и репутацию великой державы. Кроме того, Сербии была предоставлена возможность бороться за свое собственное выживание и за выполнение своих военных целей. По жестокой иронии, Российская империя сама исчезла в вихре войны, что заставляет еще больше уважать предпринятые ею усилия.

Ключевые слова: Первая мировая война, июльский кризис, сербско-российские отношения, Королевство Сербия, Российская империя

Литература, использованная в статье

Айрапетов, Олег Рудольфович. Внешняя политика Российской империи 1801–1914 гг. Москва: Издательство «Европа», 2006. 668 с.

Айрапетов, Олег Рудольфович. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1. 1914 год. Начало. Москва: Книжный дом Университет, 2014. 336 с.

Голгота и васкрс Србије 1914–1915 / Приређивачи Силвија Ђурић, Видосав Стевановић. Београд: Београдски издавачко-графички завод; Партизанска књига, 1986. 636 с.

Драшкић, Панта М. Моји мемоари. Београд: Српска књижевна задруга, 1990. 237 с.

Екмечић, Милорад. Ратни циљеви Србије 1914. Београд: Српска књижевна задруга, 1973. 550 с.

Живановић, Живан. Србија у ратовима. Сећања. Београд: Српска књижевна задруга, 1958. 325 с.

Митровић, Андреј. Продор на Балкан. Србија у плановима Аустро-Угарске и Немачке 1908–1918. Завод за уџбенике. Београд, 2011. 707 с.

Писарев, Юрий Алексеевич. Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. Москва: Наука, 1990. 220 с.

Поповић, Никола. Односи Србије и Русије у Првом светском рату. Београд: ИСИ; Народна књига, 1977. 510 с.

Рајић, Сузана. Владан Ђорђевић. Биографија поузданог обреновићевца. Београд: Завод за уџбенике, 2007. 381 с.

Сазонов, Сергей Дмитриевич. Воспоминания. Москва: Горячая линия, 2014. 382 с.

Станковић, Ђорђе. Србија 1914–1918. Ратни циљеви. Нови Сад; Београд: Прометеј; Радио-телевизија Србије, 2014. 484 с.

Штрандман, Василиј Николајевич. Балканске успомене. Књига 1. Део 1–2. Београд: Жагор, 2009. 466 с.

Karadorđević, Đorđe. Istina o mome životu. Beograd: Prosveta, 1969. 467 s.

Information about the article

Author: Radivojević, Miroslav — Master of Arts, Ph. D. student at the Department of History, Faculty of Philosophy, Belgrade University, Belgrade, Serbia, mirrad88@gmail.com

Title: Russia's entry into World War I: Echoes and reactions in Serbia (July–August 1914)

Summary: The paper aims at highlighting Serbian reactions and responses to the support provided to Serbia from Russia during the July crisis of 1914 and after Austro-Hungary's announcement of war against Serbia. The work is based on historical data, published documents, journalism, as well as diaries and memoirs of contemporaries. The review includes the position of diplomatic, political and military leaders of Serbia. Public opinion and views of prominent figures of the time are also examined. Upon receiving the Austro-Hungarian ultimatum on the 23rd of July, the Minister of Finance Lazar Paču first contacted Vasilij Shtrandtman. Russian chargé d'affaires was thus, according to his own words, the first foreigner cognizant of the ultimatum contents. The diplomat was soon visited by Regent Alexander and the head of the Serbian government Nikola Pašić, who sought advice. Regent Alexander's telegram to Tsar Nicholas II, sent on the 24th of July, was the following step in the Serbian officials' reliance on the powerful Slavic state. At the same time, Serbian diplomatic representatives abroad (among whom the most important were those in Rome and London) were informed from Belgrade that the key to the situation lay in the attitude of Russia. The Russian government then counselled Serbia to withdraw the troops if it wasn't capable of defence, and to allow the great forces to solve the dispute. Russia created and endorsed peace initiatives. In response to the aforementioned letter of Regent Alexander, which Nicholas II sent on the 27th of July, he advised Serbia to support his efforts directed towards «avoiding bloodshed», but he also assured the Regent that «Russia would not abandon Serbia» even in the case of war. Serbia's great expectations from the orthodox empire were fairly conspicuous. Shtrandtman remembered very emotional reception of the aforementioned Tsar's telegram. In the official diplomatic relations, the representatives of the Kingdom of Serbia expressed gratitude to Russia for its help. Each move of the Slavic empire was minutely analysed and examined, and there was a «mystical confidence» in its power. The public followed the messages from St. Petersburg very carefully. These were some of the headlines in Serbian newspapers: «Friends care about Serbia»; «Serbia is not alone»; «Serbia is safe, Russia supports it»; «The Russians for the Serbs»; «Russia rises» etc. While protecting its «small ally» from devastation, Russia simultaneously protected its own interests and the reputation of a great power. Moreover, Serbia was given the opportunity to fight for its own survival, and to accomplish its war aims. By a cruel irony, the Russian empire disappeared in the whirlwind of war, and thus its actions were even more respected.

Keywords: World War I, July crisis, Serbian-Russian relations, Kingdom of Serbia, Russian empire

References

- Ayrapetov, Oleg Rudol'fovich. *Vneshnyaya politika Rossiyskoy imperii 1801–1914 gg.* [The foreign policy of the Russian Empire 1801–1914]. Moscow: «Europe» Publ., 2006. 668 p. (in Russian).
- Ayrapetov, Oleg Rudol'fovich. *Uchastie Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne (1914–1917)*. T. 1. 1914 god. Nachalo [The participation of the Russian Empire in World War I (1914–1917)]. Vol. 1. 1914. Start]. Moscow: «Knizhnyj dom Universitet» Publ., 2014. 336 p. (in Russian).
- Draškić, Panta M. *Moji memoari* [My memoirs]. Beograd: «Srpska književna zadruga» Publ., 1990. 237 p. (in Serbian).
- Đurić, Silvija; Stevanović, Vidosav (eds). *Golgota i vaskrs Srbije 1914–1915* [Golgotha and resurrection of Serbia 1914–1915]. Belgrade: Beogradski izdavačko-grafički zavod; «Partizanska knjiga» Publ., 1986. 636 p. (in Serbian).
- Ekmečić, Milorad. *Ratni ciljevi Srbije 1914* [Serbian war aims 1914]. Beograd: «Srpska književna zadruga» Publ., 1973. 550 p. (in Serbian).
- Karadorđević, Đorđe. *Istina o tome životu* [The truth about my life]. Beograd: «Prosveta» Publ., 1969. 467 p. (in Serbian).
- Mitrović, Andrej. *Prodor na Balkan. Srbija u planovima Austro-Ugarske i Nemačke 1908–1918* [The breakthrough on the Balkans. Serbia in plans of Austria-Hungary and Germany 1908–1918]. Beograd: «Zavod za udžbenike» Publ., 2011. 707 p. (in Serbian).
- Pisarev, Yuriy Alexeyevich. *Tayny Pervoy mirovoy vojny. Rossiya i Serbiya v 1914–1915 gg.* [Secrets of the First World War. Russia and Serbia in 1914–1915]. Moscow: «Nauka» Publ., 1990. 220 p. (in Russian).

Popović, Nikola. *Odnosi Srbije i Rusije u Prvom svetskom ratu* [*Relations between Serbia and Russia in First World War*]. Beograd: Institute of Serbian History Press; «Narodna knjiga» Publ., 1977. 510 p. (in Serbian).

Rajić, Suzana. *Vladan Đorđević. Biografija pouzdanog obrenovićevca* [*Vladan Djordjevic. Biography of reliable Obrenovic's*]. Beograd: «Zavod za udžbenike» Publ., 2007. 381 p. (in Serbian).

Sazonov, Sergey Dmitrievich. *Vospominaniya* [*Memories*]. Moscow: «Goryachaya liniya» Publ., 2014. 382 p. (in Russian).

Stanković, Đorđe. *Srbija 1914–1918. Ratni ciljevi* [*Serbia 1914–1918. War aims*]. Novi Sad; Beograd: «Prometej» Publ.; Radio-televizija Srbije, 2014. 484 p. (in Serbian).

Štrandman, Vasilij Nikolajevič. *Balkanske uspomene. Knjiga 1. Deo 1–2* [*Balkan memories. Volume 1. Part 1–2*]. Beograd: «Žagor» Publ., 2009. 466 p. (in Serbian).

Živanović, Živan. *Srbija u ratovima. Sećanja* [*Serbia in the wars. Memoires*]. Beograd: «Srpska književna zadruga» Publ., 1958. 325 p. (in Serbian).